

ЧЕТВЕРТАЯ ШОСТАКОВИЧА

В НЕДАВНО вышедших мемуарах Виктора Шкловского есть следующий примечательный эпизод: композитор А. К. Глазунов, директор Петроградской консерватории, в голодный 1921 год приходит к А. М. Горькому, чтобы добиться дополнительного академического пайка для одного студента-композитора. Глазунов признается Горькому, что музыка талантливейшего юноши не в его вкусе. «Но дело не в этом — время принадлежит этому мальчику, а не мне», — убежденно утверждает старый музыкант.

Пятнадцатилетнего композитора звали Дмитрий Шостакович. Его маститый покровитель был прав: время действительно принадлежало гениально одаренному юному петроградцу, которому предстояло стать гордостью новой русской музыки. Сорок лет, прошедшие с тех пор, подтвердили прогноз Глазунова.

В искусстве Шостаковича воплощена наша современность. В этом еще раз убеждаешься, когда слышишь Четвертую симфонию.

Судьба симфонии необычна. Созданная почти двадцать шесть лет назад, она с тех пор пролежала в архиве, ни разу не прозвучав. В апреле

1936 года, когда только что законченная партитура уже разучивалась оркестром Ленинградской филармонии, сам автор неожиданно отметил премьеру. Причиной были творческие сомнения композитора, усугубленные в то время резкой критикой ряда его произведений. С тех пор не известная миру симфония оставалась своего рода загадкой для любителей музыки и «белым пятном» в биографии автора. Ныне эта симфония, наконец, возвращена к жизни и продемонстрирована столичной публике.

Прежде всего, следует прямо сказать, что ни о каком «формализме» здесь нет и речи. Это очень глубокое, ярко эмоциональное сочинение, способное по-настоящему взволновать остро экспрессивной драматургией.

Вероятно, Четвертая симфония характеризует то переломное время в биографии Шостаковича, когда он уже расставался с дерзкими экспериментами своей творческой юности и обращался к большей серьезности, углубленности искусства. Кое-что в ней еще напоминает стиль раннего Шостаковича, склонного к звуковой гиперболе, к внешней обостренности рисунка. Сам автор в своих воспоминаниях 1956 года со свойственной ему самокри-

тичностью отметил, что Четвертая симфония «несовершенна по форме» и страдает «манией грандиоза». Это заметно главным образом в первой части с ее несколько преувеличенной масштабностью звучания и суховатой рационалистичностью отдельных тем.

Чувствуется, что молодой автор стремился применить здесь максимум доступных ему оркестровых средств, испробовать самые разнообразные и порой гипертрофированно резкие эффекты современной гармонии и полифонии. Но зато в лирических и особенно жанрово-бытовых эпизодах уже очевидны черты, присущие более зрелому художнику, — скупая точность, прозрачность красок, скульптурная выразительность образов. Недаром некоторые темы симфонии, так же, как и удивительно свежие эффекты оркестровки, уже как бы подготавливают будущие образы замечательной Пятой симфонии, так любимой многими слушателям.

Как и некоторые другие зрелые сочинения Шостаковича, Четвертая симфония заключает в себе максимально резкие контрасты: нервные бешевания, доходящие до громадных масштабов, соседствуют с тихими мер-

цающими звучностями; драматические взлеты сменяются язвительной насмешкой или забавными танцевально-бытовыми сценами.

Три части симфонии, подобно трем действиям драмы, составляют некую единую линию развития: от мрачно-экспрессивных звуковых резкостей первой части через лирико-фантастические образы второй части к просветленным звучаниям финала, проникнутым истинной поэтичностью.

Наиболее сложна для восприятия первая часть, в которой преобладают неистово бующие динамические эффекты.

Капризно неуловимая смена эмоций характерна для второй части. Это меланхолическая интермедия, в которой прихотливо чередуются задумчивая лирика, полусказочная картинность и скрытая ирония.

И, наконец, в финале композитор словно распахнул окно на улицу — в живой и реальный мир современной жизни. Музыка финала наиболее конкретна, «зрима», напоминает причудливую вереницу театральных картин, красочных эпизодов. Местами финал вызывает в памяти картину карнавала, пестрого уличного празднества. Но к концу автор снова возвра-

щается к начальной теме, еще более усиливая ее волевые, героические черты. Особенно увлекательно заключенные симфонии: постепенно утасаживающие волшебные звучности создают настроение мирного покоя, чудесной просветленности.

Симфония написана для громадного состава оркестра: это, вероятно, самая грандиозная по звучанию из всех двенадцати симфоний Шостаковича. Наиболее впечатляюще, пожалуй, те ее страницы, в которых автор пользуется прозрачными красками, выдвигая на первый план скрипные солирующие тембры: меланхолический распев фагота, тихое раздумье скрипки, нежные переливы флейты, хрустальный звон челесты. Сольные инструменты выступают со своими монологами, точно актеры драматического спектакля.

Четвертая симфония была очень тепло принята аудиторией, заполнившей Большой зал консерватории. Оркестр Московской филармонии играл с редкой увлеченностью, успешно преодолел все трудности этой виртуозной, полифонически усложненной партитуры. На высоте был дирижер Кирилл Кондрашин, вложивший в эту работу большой труд и солидное мастерство.

И. НЕСТЬЕВ.